

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

П. П. Марченя

О полидисциплинарном подходе
к изучению места и роли
масс в истории

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/March_o_polid.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

П.П. Марченя

О ПОЛИДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОДХОДЕ
К ИЗУЧЕНИЮ МЕСТА
И РОЛИ МАСС В ИСТОРИИ

В статье рассмотрена проблема изучения места и роли масс в истории как системообразующий объект комплексных исследований, требующих интеграции методологического и методического арсенала всех социальных наук. Полидисциплинарный подход помогает рационально оценить научную состоятельность многих историографических мифов, результаты его применения позволяют осмыслить социокультурную специфику отечественной истории и извлечь важные уроки из ее изучения, разглядев за внешней противоречивостью проявлений масс в истории скрытое внутреннее единство их функциональной обусловленности.

Ключевые слова: массы, массовое сознание, социальные общности, полидисциплинарный подход, исследовательские парадигмы, историография.

Теме «массы в истории» принадлежит особое место в историческом знании. Сегодня она осознается как системообразующий объект комплексных исследований, требующих интеграции методологического и методического арсенала всех наук, так или иначе изучающих общество и человека. Иначе недостижимо целостное осмысление закономерностей как всеобщей, так и отечественной истории. Формирование научных представлений о механизмах функционирования масс в социально значимых процессах, особенностях массового сознания, массовых настроений и массового поведения как основополагающих факторов эффективного и стабильного функционирования всей социальной макросистемы является одной из наиболее востребованных жизнью задач.

Тем не менее вопросы, связанные с полидисциплинарным исследованием места и роли масс в прошлом, настоящем и будущем

России, в системе специфического взаимодействия ее власти и общества, лишь сравнительно недавно стали осознаваться российскими учеными в качестве актуальной проблемы исторического познания. При этом исследователи продолжают испытывать серьезные теоретические и практические трудности, обусловленные концептуальной сложностью и неоднозначностью интерпретации самого термина «массы» как в различных научных дисциплинах, так и в различных контекстах внутри дисциплин.

Принято считать, что понятие «массы», привлекающее внимание историков, философов, социологов, политологов, культурологов, правоведов, антропологов, практических политиков, партийных идеологов и публицистов, по приоритету введения в научный оборот принадлежит психологам (хотя и они в свое время позаимствовали его у физиков). Так, один из крупных отечественных авторитетов в области «психологии масс» Д.В. Ольшанский подчеркнул: «Поскольку понятие “массы” изначально было и остается психологическим, ключ к его пониманию можно найти только в психологической науке»¹. При этом он сформулировал принципиальное методологическое положение, что именно в изучении масс обобщаются и получают подлинное практическое значение все теоретические достижения психологической науки в целом, ибо: «Только в психологии масс мы имеем дело с удивительным синтезом практически всего психологического знания. В ней нет психологии личности, но есть личностные механизмы соучастия в массе, есть потребности и эмоции, которые влекут человека в массу, есть заражение и подражание, которые делают его членом массы. В ней нет психологии групп, но есть феномен конформизма, превращающий человека в часть массы подчас помимо его воли. В ней нет этнической психологии, но есть национальные чувства и темперамент, которые определяют психологию той или иной “национальной души” как скорее массовую или, напротив, индивидуальную. В психологии масс соединяется все основное, с чем имеет дело социальная психология, и придает этому социально-психологическому знанию предельно жизненный, практический характер»².

Но в рамках одной лишь психологии познание масс остается неполным и односторонним. А проблема их комплексного изучения осложняется различием исследовательских подходов. Так, Г.Ю. Чернов предлагает особо выделить как минимум пять основных подходов – «с точки зрения дисциплинарной ориентации исследования»³ – и еще четыре подхода – «наиболее типичных или наиболее важных в научно-эвристическом отношении»⁴. По дисциплинарной ориентированности, по его мнению, главными подходами являются: 1) социологический (выявляющий место социально-массовых

явлений в структуре общества и системе социальных взаимодействий и анализирующий массу как социальную общность); 2) политологический (выявляющий роль массы и массового сознания как компонентов политической жизни общества, сопоставляющий массы с политической элитой и политическими институтами, а массовое сознание и его эволюцию с идеологиями и политической динамикой); 3) социально-психологический (концентрирующийся на исследовании общности массовых психических процессов и возникающего на этой основе специфического массового поведения); 4) культурологический (выявляющий место и роль социально-массовых явлений в процессах культурного воспроизводства и сосредоточивающий внимание на проблеме «массовой культуры»); 5) социально-философский (интегрирующий, синтетический подход, системно осмысливающий место и роль массовых реалий и встраивающий полученные выводы в философскую картину мира). К этой типологии следует добавить, что подобный перечень, по аналогии, можно продолжать, включая в него и иные социогуманитарные дисциплины. Так, собственно исторический подход будет исследовать обусловленность объективных проявлений масс конкретно-историческими реалиями общественной практики; социально-правовой подход будет сосредоточен на рассмотрении масс в контексте развития государства и права и выявления правового в структуре массового; социально-антропологический подход будет обращен на осмысление специфического типа «человека массы»; аксиологический подход будет выявлять имманентные массе особого рода ценности... и т. д.

По научно-эвристической ориентированности Чернов выделяет следующие «наиболее типичные или важные» подходы: 1) политико-ориентированный (рассматривающий массу как диалектический полюс власти, политической элиты – электорат, политическое большинство и объект управления, а массовое сознание как совокупное волеизъявление – потенциальное мнение общества в целом либо его существенного фрагмента); 2) социально-психологический (рассматривающий массу как проявление нового качества, рождающегося в совокупности контактно или опосредованно взаимодействующих индивидов – в сравнении с изолированными индивидами); 3) культурцентристский (исследующий взаимодействие массы – заурядного, ориентированного на ценности потребления большинства и духовной элиты – высокоморального и компетентного творческого меньшинства, развивающего культуру и цивилизацию); 4) социокультурный (являющийся результатом синтеза плодотворных методологических посылок других подходов и ориентированный на системное исследование социально-массо-

вых явлений в комплексе «общество – общественное сознание – культура», при котором, наряду с исследованием отдельных качеств и внутренних взаимодействий, анализируется детерминирующее воздействие, определяемое закономерностями всей социальной макросистемы). Очевидно, что и этот перечень можно продолжить.

Итак, целесообразно определить, каково первоначальное происхождение термина «массы» и какие парадигмальные смыслы вкладывали в него крупнейшие исследователи.

Этимологически это слово восходит к латинскому *māssa* – ком, кусок, тесто, глыба, грудa, громада – и в повседневном языке употребляется не менее чем в восьми различных смыслах: 1) физическая величина, измеряющая количество вещества в теле, мера инерции тела по отношению к действующей на него силе («масса тела», «масса вещества»); 2) бремя, тяжесть («неподъемная масса», «посильная масса»); 3) тестообразное бесформенное вещество, густая смесь («расплавленная масса», «ядовитая масса»); 4) нечто неопределенное и большое («массивное»), сосредоточенное в одном месте («серая масса», «неразличимая масса»); 5) множество, значительное количество чего-либо («масса оружия», масса литературы»); 6) широкие круги населения («массы – сила», «знания – в массы»); 7) совокупность людей, характеризующаяся специфическими признаками; эмпирически наблюдаемая контактная группа людей, подчиняющаяся в своем развитии единым психическим механизмам («разъяренная масса», «испуганная масса»); 8) определенный социокультурный тип человека – посредственного («усредненного»), ничем не выдающегося, принадлежащего к инертному большинству, основной формой бытия которого является «рассеянная» масса («люди массы», «человек массы»).

Временем введения в исторический оборот термина «массы» в обществоведческом смысле принято считать XVIII–XIX вв., связывая это с аристократической критикой буржуазных перемен в Европе. В качестве тех, кто одними из первых стали называть презираемые и в то же время пугавшие аристократов силы «толпами» или «массами», указывают на размышлявших о движущих силах революции во Франции Э. Берка⁵ и Ж. де Местра⁶. Таким образом, теоретическое осознание феномена массы и открытие значимости активного участия масс в истории традиционно объединяют с событиями Великой французской революции, когда массы становятся очевидно действенной силой, на которую были вынуждены обратить самое пристальное внимание представители политических и интеллектуальных элит.

Разумеется, это отнюдь не значит, что ранее такой проблемы не существовало и она не получала отражения в социальной мысли.

Еще Платон предупреждал об опасности вырождения «демократии» в «охлократию» и «тиранию», об угрозе превращения «демократического человека» (сопоставимого с «человеком массы») в «тиранического человека».

Но первым широко признанным теоретиком масс считается Г. Лебон, в книге «Психология народов и масс» (1895 г.) выдвинувший один из основополагающих вариантов «теории масс» и так называемого «массового общества», критикуя идеи социального равенства и рассматривая массу как «толпу» – скопище (сборище) людей, зараженных общим психическим состоянием⁷. Современные исследователи дают сходное определение: «толпа – скопление людей, не объединенных общностью целей и единой организационно-ролевой структурой, но связанных между собой общим центром внимания и эмоциональным состоянием»⁸.

Согласно Лебону, толпа есть любое собрание индивидов, при котором исчезает сознательная личность и образуется «коллективная душа». Эту «душу толпы» он характеризовал так: «Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности... Одухотворенная толпа представляет собой временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе, подобно тому, как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие посредством этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности»⁹.

Основываясь на понимании любых людских масс как бессознательных толп, руководствующихся инстинктами, а не разумом, Лебон заложил методологические основы рассмотрения массы преимущественно в негативном ключе, как иррациональной разрушительной силы, грубо подавляющей индивидуальность человека и губящей созданные и оберегаемые интеллектуальной аристократией цивилизации. По его мнению, наступающее «господство толпы означает ... возвращение к варварству». Массы страшны теми антикультурными изменениями, которые претерпевает индивид при включении в толпу. «В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе – это варвар, т. е. существо инстинктивное»¹⁰.

Таким образом, рубеж XIX–XX вв. стал временем, когда социальные мыслители впервые заговорили о наступлении эпохи «гос-

подства масс». Проявившаяся в этот период возможность масс очевидным и решающим образом влиять на ход событий посредством восстаний и голосований стала новшеством истории. «Могущество масс представляет собой единственную силу, которой сегодня ничто не угрожает и значение которой все увеличивается. Наступающая эпоха будет поистине эрой масс»¹¹, – констатировал Лебон, увидевший в изменении роли масс симптом глубинной качественной трансформации общества, самой его «души». Суть нового общества Лебон пытался ухватить через определение «массовое общество», которое было популяризовано многочисленными эпигонами.

Весомый вклад в историю психологического осмысления масс внес Г. Тард. В отличие от Лебона, он переосмыслил массу не как «толпу», а как «публику» – «духовную общность индивидов, физически разделенных, но соединенных чисто умственной связью»¹² (через внушение и подражание). Тард полагал, что точнее говорить не о наступлении «эры толп», а о наступлении «эры публики» (в которой влияние в массе людей друг на друга стало возможным на расстоянии, благодаря развитию средств массовой информации и коммуникации).

Яркий след в философских представлениях о массах в истории оставил Ф. Ницше, давший обоснование взглядам на массу как на «низший вид», серое и завистливое человеческое стадо, призванное служить материалом для «высшего человека». По мысли Ницше, «масса – только средство», «ибо способность человека массы быть дрессируемым стала весьма велика в этой демократической Европе; люди, легко обучающиеся, легко управляемые, представляют правило; стадное животное... Кто может повелевать, находит таких, которые должны подчиняться». «О массах надо думать столь же бесцеремонно, как сама природа: они нужны для сохранения вида», а «на нужду масс взирать с грустной иронией: они хотят того, что мы просто можем – какая жалость!»¹³. Более того, от лица «философской элиты», Ницше открыто провозгласил:

«Необходимо объявление войны высших людей – массе! Повсюду сплачивается посредственность, норовя провозгласить свое господство! Все, что размягчает, ослабляет волю, требует уважать “народ” или “женственность”, – все это действует на пользу всеобщего избирательного права, то есть ведет к господству человека низшего порядка. Но мы проведем репрессии и вытащим все это барахло (которое в Европе завелось вместе с христианством) на свет и на суд»¹⁴.

Основы психоаналитического осмысления масс заложил З. Фрейд. Подобно Лебону, он считал важнейшим качеством массы ее однородность и обезличивание индивидуальных различий вхо-

дящих в нее индивидов, обеспеченное тем, что в массе «сносится, обессиливается психическая надстройка, столь различно развитая у отдельных людей, и обнажается (приводится в действие) бессознательный фундамент, у всех одинаковый»¹⁵. Развивая это исходное положение Лебона в контексте бессознательного, Фрейд рассматривает массу с точки зрения своей теории либидо: «В массе этот процесс умножен, масса совпадает с гипнозом в природе объединяющих ее первичных позывов в замене “Идеала Я” объектом, но сюда присоединяется идентификация с другими индивидами, ставшая возможной благодаря одинаковому отношению к объекту. Оба состояния, как гипноз, так и массообразование, являются осаждениями филогенеза человеческого либидо – гипноз как предрасположение, а масса, помимо этого, как прямой пережиток»¹⁶.

Выдающееся место в историографии темы принадлежит Х. Ортега-и-Гассету, предупреждавшему об угрозе, которую несет «сокрушительный и свирепый бунт массовой морали, неотвратимый, неодолимый и темный, как сама судьба»¹⁷. Самые опасные тоталитарные режимы, проявившиеся в XX в., являются не чем иным, как «политическим диктатом масс»¹⁸. Таким образом, Ортега-и-Гассет подошел к анализу массы не с точки зрения описания ее психического единства как толпы, а с позиции рассмотрения ее как культурного (в определенном смысле – «антикультурного») феномена и выяснения истоков «массовой культуры» и сущностных особенностей ее носителя – «человека массы». По собственной оценке, автор «Восстания масс»: «попытался нарисовать новый тип человека, который сейчас господствует в мире... назвал его человеком массы и показал отличительную его черту: чувствуя себя заурядным, он провозглашает права заурядности и отказывается признавать все высшее. Если это настроение торжествует в каждом народе, оно, естественно, господствует и во всех нациях в целом. В определенном смысле появляются народы массы, которые решительно восстают против великих творческих народов против отборного меньшинства, которое создало историю... Теперь народ массы отменяет нашу систему норм, основу европейской цивилизации; но так как он не способен создать новую, он не знает, что делать, и, чтобы занять время, скачет козлом. Когда из мира исчезает правитель, вот первое следствие: восставшим подданным нечего делать, у них нет жизненной программы»¹⁹.

Ортега-и-Гассет поставил связанные с ролью масс в истории глобальные вопросы современной цивилизации, от которых зависит само выживание человечества и его культуры: «Эта книга – попытка набросать портрет европейского человека определенного типа, главным образом – в его отношении к той самой цивилизации,

которая его породила. Необходимо это потому, что этот тип – не представитель какой-то новой цивилизации, борющейся с предшествующей; он знаменует собою голое отрицание, за которым кроется паразитизм. Человек массы живет за счет того, что он отрицает, а другие создавали и копили. Поэтому не надо смешивать его “психогамму” с главной проблемой – каковы коренные недостатки современной европейской культуры? Ибо очевидно, что в конечном счете тип человека, господствующий в наши дни, порожден именно ими. Но эта проблема выходит за рамки нашей книги. Пришлось бы развернуть во всей полноте ту доктрину человеческого существования, которая здесь вплетена как побочный мотив, едва намечена, чуть слышна. Быть может, скоро мы будем о ней кричать»²⁰.

А в постмодернистской философии понятие «массы» и вовсе было объявлено принципиально неопределимым. Так, Ж. Бодрийяр в работе «В тени молчаливого большинства, или конец социального» (1982 г.) писал: «Все хаотическое скопление социального вращается вокруг этого пористого объекта, этой одновременно непроницаемой и прозрачной реальности, этого ничто – вокруг масс. Магический хрустальный шар статистики, они, наподобие материи и природных стихий, “пронизаны токами и течениями”. Именно так, по меньшей мере, мы их себе представляем. Они могут быть “намагничены” – социальное окружает их, выступая в качестве статического электричества, но большую часть времени они образуют “массу” в прямом значении слова, иначе говоря, все электричество социального и политического они поглощают и нейтрализуют безвозвратно. Они не являются ни хорошими проводниками политического, ни хорошими проводниками социального, ни хорошими проводниками смысла вообще. Все их пронизывает, все их намагничивает, но все здесь и рассеивается, не оставляя никаких следов. И призыв к массам, в сущности, всегда остается без ответа. Они не излучают, а, напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального... Именно в этом смысле масса выступает характеристикой нашей современности – как явление в высшей степени имплозивное, не осваиваемое никакой традиционной практикой и никакой традиционной теорией, а может быть, и вообще любой практикой и любой теорией... Термином “масса” выражено не понятие. За этим без конца используемым в политической демагогии словом стоит рыхлое, вязкое, люмпенаналитическое представление... Стремление уточнить содержание термина “масса” поистине нелепо – это попытка придать смысл тому, что его не имеет. Говорят: “масса трудящихся”. Но масса никогда не является ни массой трудящихся, ни массой какого-либо другого

социального субъекта или объекта. «Крестьянские массы» старого времени массами как раз и не были: массу составляют лишь те, кто свободен от своих символических обязанностей, «отсечен»... и кому предназначено быть уже только многоликим результатом... функционирования тех самых моделей, которым не удается их интегрировать и которые в конце концов предъявляют их лишь в качестве статистических остатков. Масса не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией. Именно в этом состоит ее определенность, или радикальная неопределенность»²¹.

В западной науке, по часто цитируемой оценке Д. Белла, сформулированной в книге «Конец идеологии» (1960 г.), сложилось не менее пяти парадигмальных интерпретаций концепта «массы» именно в социальном аспекте²². В зависимости от контекста, с «массой» и «массовым обществом» связывалось следующее.

1. «Недифференцированное множество», типа совершенно гетерогенной аудитории средств массовой информации в противовес иным, более гомогенным сегментам общества (Г. Блумер). Масса противопоставляется классу или другой однородной группе и отождествляется с аудиторией СМИ: стандартизированный материал передается всему населению (всей массе) одинаковым (массовым) способом, воспринимается единообразно, а индивиды как потребители этой информации – анонимны и атомизированы. Такая масса не имеет ни социальной организации, ни обычаев и традиций, ни устоявшихся правил и ритуалов, ни собственного мнения, ни какого-либо руководства. Она не только анонимна, но и конформна. Стереотипность, единообразие, приспособленчество, несамостоятельность мышления – вот основные характеристики представителя массы.

2. Множество, которое благодаря своей некомпетентности обуславливает падение уровня цивилизации («суждение некомпетентных», низкое качество современной культуры), являющееся результатом ослабления руководящих позиций просвещенной элиты (Х. Ортега-и-Гассет). Масса суть синоним «невежества», приверженности «вульгарному стандарту» и неспособности к истинному образованию и усвоению подлинных культурных ценностей.

3. «Механизированное общество», в котором человек является придатком машины, дегуманизированным элементом «суммы социальных технологий» (Ф. Юнгер). Масса символизирует превращение человека в аппарат – жизнь его становится математически точной, а бытие приобретает «массоподобный» характер. Машина накладывает отпечаток на человека, превращая его из личности в техническую функцию – жертву технического и технологического прогресса. Такой подход характерен и при анализе тоталитарных

обществ, когда человека уподобляют «винтику» огромной машины. Тем не менее, по мнению Д. Белла, такой взгляд берет начало еще от немецких романтиков, в т. ч. К. Юнга, с его идеализацией природы и «естественных отношений».

4. «Бюрократическое общество», в котором принятие решений допускается исключительно на высших этажах иерархии (К. Маннгейм, Г. Зиммель, М. Вебер). Масса суть порождение унифицирующего воздействия не только техники, но и «функциональной рациональности» общества, «сверхорганизованности» его управленческой иерархии. Предельная концентрация административных функций, осуществляемых в отрыве от основных производителей, лишает подчиненных инициативы, приводит их к неудовлетворенности и потере самоуважения. Требование лишь подчиняться лишает человека возможности действовать в соответствии с разумом, осознанно и превращает его в массу.

5. Общество, характеризующееся отсутствием различий, однообразием, бесцельностью, отчуждением, недостатком интеграции (Э. Ледерер, Х. Арндт). Масса есть продукт дестратификации общества, своего рода «антикласс». По сути, это неорганизованное множество, «молчаливое большинство», безынициативная часть общества, покорная и апатичная, или все та же толпа – охваченная «стадными» инстинктами, убивающими всякое проявление личностной неповторимости людей, совокупность индивидов, подменивших сознательную деятельность – бессознательной.

Сегодня число обществоведческих трактовок массы расширилось как минимум до девяти. В расширенной типологии «масса» толкуется как: 1) толпа (Г. Лебон); 2) публика (Г. Тард); 3) гетерогенная аудитория, противостоящая гомогенным группам (Э. Ледерер и Х. Арндт); 4) «агрегат людей, в котором не различаются группы или индивидуумы» (В. Корнхаузер); 5) уровень некомпетентности и снижение цивилизации, связанные с определенным антропологическим типом (Х. Ортега-и-Гассет); 6) продукт машинной техники и технологии (Л. Мамфорд); 7) «сверхорганизованное» (К. Маннгейм) бюрократизированное общество, в котором господствуют тенденции к униформизму и отчуждению; 8) «власть нейтрального» и «радикальная неопределенность» (Ж. Бодрийяр); 9) синоним слова «слои» – «трудящиеся массы», «народные массы», «беднейшая масса» (К. Маркс, Ф. Энгельс), или даже весь «народ» либо наиболее передовая и сознательная часть общества (В.И. Ленин).

Такое множество «теорий массы» в XX в. привело к тому, что, как подытожил Ольшанский, понятие «массы» просто рассыпалось – и в силу своей неоднозначности, и в силу того, что в рациональной,

индивидуалистической культуре Запада рассыпались сами массы как некая сплоченная реальность²³. Согласно временно восторжествовавшему жестким требованиям неопозитивистской методологии науки, не верифицируемое и не операционализируемое понятие, посредством которого можно объяснять более чем один реальный феномен, вообще не имеет права на научное существование. На несколько десятилетий наступил своего рода закат «эпохи масс» в западной науке. Но к концу XX в. интерес западных исследователей к массовым феноменам вспыхнул с новой силой. Так, глава лаборатории социально-психологических исследований в Высшей школе социальных исследований при Парижском университете С. Московичи даже предлагает ввести новую, синтезирующую все социальные знания дисциплину – «науку о массах» или «массологию»²⁴.

В отечественной науке состояние изучения масс, сложившееся в западном социогуманитарном познании в течение XX в., в работе одного из основателей советской теоретико-эмпирической социологии Б.А. Грушина «Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования» (1987 г.) было охарактеризовано следующим образом:

«В отношении занимающего нас теперь предмета указанные изъяны отчетливо проявились в том, что массовое сознание было объявлено атрибутом так называемого “массового общества”, стало рассматриваться в качестве исторической альтернативы классовому сознанию, якобы упраздняющей последнее... Подобная жесткая связь с различными концепциями “массового общества” – этими типичнейшими образчиками современных *science fictions*... – отразилась на судьбе изучения массового сознания самым пагубным образом. С одной стороны, она воздвигла перед буржуазными исследователями всех направлений непреодолимые препятствия для строго объективного анализа рассматриваемого явления, раскрытия его действительной природы, подлинных механизмов возникновения и функционирования, фактических свойств и роли в жизни общества. С другой – вокруг проблемы массового сознания оказалось нагромождено великое множество всякого “теоретического” и идеологического вздора, разного рода обывательской чепухи, оформленной в виде научных рассуждений. Все это в значительной мере дезориентировало социологов-марксистов в отношении самого объекта исследования – массового сознания. Его искаженное до неузнаваемости отражение в зеркале буржуазной социологии послужило основанием для многих из них объявить массовое сознание, как и лежащий в его основании феномен массы, химерой, выдумкой. В результате вместе с водой из ванны выплеснули и самого ребенка»²⁵.

Так сам Грушин фактически стал первым в СССР теоретиком массового сознания. Наряду с ним можно отметить и таких советских ученых, как А.К. Уледов, Г.Г. Дилигенский и другие²⁶. Однако в их работах еще не проводилось четкой грани, отличающей один тип сознания от другого. Термины «общественное сознание», «массовое сознание», «классовое сознание», общественное настроение» и т. д. – употреблялись как синонимы, более-менее сводясь на практике к «общественному мнению». Весьма неопределенное и расплывчатое понимание было основой использования термина «массы» в советской науке. Так, Уледов базировался на марксистско-ленинском понимании «массы» как трудового народа. При этом массовое сознание (в качестве реальной силы, оказывающей влияние на исторический процесс) определялось как совокупность духовных образований, разделяемых целыми классами, социальными группами общества; как особая сфера духовной жизни людей, включающая в себя (о чем говорит уже само название «массовое») широко распространенные взгляды и представления людей; в противопоставлении специализированному сознанию как сознанию, не получившему еще широкого распространения²⁷. Грушин же отошел от такого подхода и дал массам относительно строгую научную дефиницию: они были определены как «ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования)»²⁸. Критикуя, согласно марксистской традиции, все «буржуазные теории» (без чего его монография не могла бы выйти в свет), Грушин вывел проблему из круга тем, запретных для отечественной науки (в том числе, истории России). Он подчеркнул: «Многие исследователи оказались по отношению к массовому сознанию в положении той печально известной старушки из притчи, которая, стоя перед вольером с жирафом, упорно отказывалась верить глазам своим и твердила: “Не может быть!” Между тем жираф, как известно, “может быть”, он существует. Равно не является злонамеренной выдумкой классовых противников пролетариата и массовое сознание. Сам факт его объективного существования не может вызывать каких-либо сомнений у непредвзятых наблюдателей, поскольку он без труда подтверждается длинным рядом явлений современной общественной практики, касающихся многочисленных форм массового поведения людей, функционирования общественного мнения, деятельности средств массовой информации и пропаганды и др.»²⁹.

В итоге, отечественное социально-научное сообщество оказалось перед необходимостью изучения места и роли масс в истории, отказавшись от представлений о «буржуазности» и идеологической «вредности» попыток создания теории массы. Анализ сначала со-

ветской, а затем постсоветской социальной мыслью накопленных к этому времени «буржуазных» концепций во многом оказался связан с началом «перестроечных» изменений в социалистическом социуме и пересмотром достижений западного обществознания времен холодной войны. Произошло серьезное теоретическое переосмысление концепций, которые ранее пытались описывать и объяснять социальные отношения с точки зрения возрастания роли масс, но при этом оценивали этот процесс как преимущественно негативный, как «патологию общества». Теперь доминирует тенденция рассмотрения масс как одной из естественных человеческих общностей, отличающейся специфичностью своих функциональных характеристик.

Сформулируем основные результаты современного полидисциплинарного подхода к изучению масс: наряду с количественным показателем «массовости» (как масштабности, включенности в массу множества людей) массы характеризуются рядом отличительных качественных признаков.

Обобщая, выделим существенные качества массы: 1) специфическая коллективность (особый индивидуальный и надгрупповой («экстремальной») характер возникновения и функционирования); 2) неструктурированность (неразделенность, «сплавленность» воедино («синкретичность»), отсутствие строгой внутренней дифференциации составляющих ее членов); 3) гетерогенность (разнородность и противоречивость состава по утрачивающим социальную значимость индивидуальным характеристикам: полу, возрасту, происхождению, социальному статусу, уровню образования, принадлежности к различным классическим социальным группам и т. д.); 4) стохастичность (вероятностность, открытость, размытость границ, неопределенность, неупорядоченность и случайность состава); 5) статистичность (аморфность, несводимость к системному целостному образованию, отличному от составляющих массу элементов); 6) статичность (отсутствие самостоятельной способности к организации динамики, неизменность системообразующих параметров, пассивность и инерционность в выборе методов своих действий); 7) мобильность (психическая подвижность и податливость к решительному внешнему воздействию); 8) ситуативность (зависимость от конкретных особых обстоятельств, изменчивость и временность существования); 9) стихийность (отсутствие целенаправленной рациональной программы действий, спонтанность настроения и поведения); 10) зараженность (общность острых психических переживаний); 11) внушаемость (склонность к легкому усвоению упрощенных рецептов алогичного мышления и поведения, нерациональное стремление к подражанию и некритичному следованию за вожаком); 12) радикальность (стремление к крайним мерам, ориен-

тация на простоту, немедленность и насильственность разрешения любых проблем); 13) функциональность (ориентированность на практическое решение конкретной задачи).

Причем современные исследователи (в отличие от большинства исследователей прошлого, рассматривавших массы преимущественно как отрицательную, деструктивную и даже «преступную» силу) отмечают, что масса оказывает на индивида не обязательно всегда лишь негативное влияние. Если отдельный индивид руководствуется личным интересом, то масса свободна от него. Она может быть направлена как в криминальную, так и бескорыстную стороны, способна и на преступление, и на подвиг. Массе свойственна тяга к разрушению, но ею может двигаться и подлинный героизм, и одухотворенность высокими идеалами.

Сочетание различных подходов и синтез их исследовательских потенций делает возможным формирование целостного и многоаспектного представления о роли масс в истории. Так, исследование русских революций 1917 г., осуществляемое на стыке различных дисциплин, позволяет за крайне противоречивым и разнородным политическим процессом увидеть конкретно-историческую логику, определившую сравнительную последовательность и единство глобального общероссийского сдвига: от бессилия оставшейся мифом демократии – к установлению ставшей реальностью диктатуры³⁰. Полидисциплинарный подход помогает рационально оценить научную состоятельность многих историографических мифов, результаты его применения позволяют осмыслить социокультурную специфику отечественной истории и извлечь важные уроки из ее изучения, разглядев за внешней противоречивостью проявлений масс в истории скрытое внутреннее единство их функциональной обусловленности.

Примечания

- ¹ См.: *Ольшанский Д.* Политическая психология. СПб., 2002. С. 367; *Он же.* Психология масс. СПб., 2001. С. 19–20.
- ² *Ольшанский Д.В.* Психология масс. С. 349.
- ³ *Чернов Г.Ю.* Социально-массовые явления: Исследовательские подходы. Дубна, 2005. С. 59.
- ⁴ Там же. С. 69.
- ⁵ См.: *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993; *Он же.* Правление, политика и общество. М., 2001.

- ⁶ См.: *Местр Ж. де*. Рассуждения о Франции. М., 1997.
- ⁷ См.: *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.
- ⁸ *Назаретян А.П.* Психология стихийного массового поведения. М., 2005. С. 16.
- ⁹ *Лебон Г.* Психология масс // Психология масс. Самара, 2006. С. 13.
- ¹⁰ См.: *Лебон Г.* Психология народов и масс. С. 267, 164.
- ¹¹ Там же. С. 150.
- ¹² *Тард Г.* Мнение и толпа // Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН; КСП+, 1998. С. 257.
- ¹³ См.: *Ницше Ф.* Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 40, 373, 93, 411.
- ¹⁴ Там же. С. 472.
- ¹⁵ *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Психология масс. С. 134.
- ¹⁶ Там же. С. 193.
- ¹⁷ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2002. С. 25.
- ¹⁸ Там же. С. 21.
- ¹⁹ Цит. по: *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Психология масс. С. 276.
- ²⁰ Там же. С. 314.
- ²¹ *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 6–7, 9–10.
- ²² См.: *Bell D.* The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y., 1960; *Белл Д.* Конец идеологии // Новое время. 1990. № 27.
- ²³ *Ольшанский Д.В.* Психология масс. С. 15.
- ²⁴ См.: *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 1, 2; *Он же.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998; *Он же.* Машина, творящая богов. М., 1998.
- ²⁵ *Грушин Б.А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. С. 12.
- ²⁶ См., напр.: *Уледов А.К.* Структура общественного сознания. М., 1968; *Гуревич П.С.* Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980; *Ашин Г.К., Додельцев Р.* Народные массы и мировая политика. М., 1982; *Гырдев Д.* Актуальные проблемы общественного сознания. М., 1982; *Общество и сознание.* М., 1984; *Диллигенский Г.Г.* В поисках смысла и цели: Проблемы массового сознания современного капиталистического общества. М., 1986.
- ²⁷ *Уледов А.К.* Указ. соч. С. 169–171.
- ²⁸ *Грушин Б.А.* Указ. соч. С. 234–235.
- ²⁹ Там же. С. 14–15.
- ³⁰ См., напр.: *Марченя П.П.* Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. История России». 2009. № 17. С. 212–227; *Он же.* Массы и партии в 1917 году: массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. 2008. № 2 (18). С. 64–78.